

-
- 20 лет с читателем,
  - более 20 миллионов экземпляров

МАРИНА СЕРОВА

ВСЕГО ЛИШЬ КАПЕЛЬКА ЯДА

Марина Сергеевна Серова
Всего лишь капелька яда
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181111
Всего лишь капелька яда: Эксмо-Пресс; М.; 1999
ISBN 5-04-003498-9*

Аннотация

Частный детектив Татьяна Иванова расследует убийство богатого предпринимателя и ученого. В лесу рядом с его дачей сыщица обнаруживает... три трупа. Одновременно с этим в городе умирают от инфаркта несколько совершенно здоровых молодых людей. Связаны ли все эти смерти с гибелью ученого? И почему за помощью к Татьяне обращается ФСБ?

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	35
ГЛАВА 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Марина Серова

Всего лишь капелька яда

ГЛАВА 1

Рыжая, с оранжевыми губами

Я познакомилась с Эммой и ее мужем в поезде, когда возвращалась из Москвы, которую навестила по своим делам. Мы ехали в одном купе, и я имела возможность наблюдать эту странную пару. Ей – двадцать пять лет, красивая, стройная и умная, ему – шестьдесят. Яков Липкин тоже красив, умен и еще раз умен. Высокий, худой, с ежиком седых жестких волос на идеальной формы голове, с большими, чуть навывкате, похожими на чернослив глазами, прямым носом – с ноздрями, очерченными так, словно Яков презирал всех и вся, раздутыми и застывшими – и полными, о многом напоминающими губами. Женщинам нравятся такие, молчаливые и спокойные в своей перезрелости мужчины. Но только не Эмме. Она всю дорогу отпускала в его адрес шпильки, иногда попросту хамила ему, в присутствии мужа жаловалась мне на свою долю, ища сочувствия и поддержки, и откровенно скучала, когда я делала вид, что сплю.

Рыжая, с оранжевыми губами и бледной, молочного от-

тенка кожей, хрупкая при полной груди и какая-то гуттаперчевая, расхристанная и подвижная, Эмма производила неизгладимое впечатление на всех мужчин в вагоне-ресторане, где мы все вместе обедали, и я подумала тогда, что еще большее впечатление она, очевидно, произвела в свое время (год назад) и на своего Якова, раз он женился на такой неудобной во всех отношениях особе.

Она, при взгляде на него, щурила свои темно-зеленые, с пухлыми нижними веками глаза, морщила нос и фыркала, словно кошка.

Мы ели, играли в карты, снова ели, говорили о пустяках, спали. Самым ужасным в этой поездке было то, что они везли из Москвы, где гостили у какого-то родственника Якова, бараньи котлеты с большим количеством чеснока. Котлеты эти лежали в блестящем судке прямо на столике и сильно пахли.

– Яша любит, – нарочито нежно, с каплей яда заметила Эмма, как-то растягивая слова. – Чем больше чеснока, тем лучше.

Судя по ее междометиям, которыми она колола его похлеще прямых оскорблений, ее раздражало в муже абсолютно все, начиная с крема для бритья, который «пахнет прокисшим лимоном», и кончая желтыми полосками на его носках. А ведь одет был Липкин достаточно хорошо, можно даже сказать, изысканно: черные мягкие брюки, черный же кашемировый джемпер с орнаментом, дорогие немецкие тапоч-

ки. На вешалке висело элегантное длинное пальто бежевого цвета и роскошное желто-красное кашне.

Сама Эмма была во всем белом: свитер и эластичные брюки, из-под которых выглядывали пушистые колготки.

Пара была настолько необычная, интересная и контрастная – взять хотя бы это сочетание: он во всем черном, она во всем белом, – что мне даже доставляло удовольствие наблюдать за ними. И все же однажды, когда мы уже подъезжали к Тарасову, воспользовавшись временным отсутствием Эммы (она вышла, чтобы посмотреть, не украла ли проводница специально оставленный ею в туалете несессер: ей нравились такого рода эксперименты, а туалетом в эту четверть часа могла пользоваться только проводница), я не выдержала и спросила Якова:

– Как вы все это терпите?

Он закрыл глаза, вздохнул, закинул ногу на ногу и ответил:

– Не знаю. Наверное, люблю.

Человеческая душа – всем известные потемки. Вот я и подумала тогда, что несправедливо упрекать этого представителя сильного пола в отсутствии какой-либо гордости. Ну и что, если на какое-то время она уступила место более сильному чувству! Это, в конце-то концов, его личное дело.

Перед тем как расстаться, мы обменялись телефонами и адресами, и я была почему-то уверена, что рано или поздно вновь встречу их.

Но встретить Якова мне так и не удалось. В тот момент, когда я увидела его жену... Впрочем, все по порядку...

Она приехала ко мне без предупреждения. Те же огненные рыжие волосы, зеленые глаза, только сиреневые круги под ними, и руки трясутся.

– Ты узнала меня? – спросила она с порога хриловатым голосом. – Я Эмма. Весной мы ехали вместе на поезде из Москвы!

– Я помню, конечно, помню, проходи. Что-нибудь случилось?

Она пришла не вовремя. Я была, во-первых, не одна, во-вторых, не одета, в-третьих – нам было хорошо вдвоем. С Виком. Эмма оказалась самым хрестоматийным третьим лишним. Но у нее, судя по всему, случилось что-то из ряда вон выходящее. Такого человека, как Эмма, вывести из себя серьезно – а не так, как ломалась она в поезде, – довольно сложно. И мне стало любопытно.

Я провела ее на кухню, а сама вернулась в спальню, кинула одежду своему бой-френду и, сказав ему на прощание что-то очень нежное и успокаивающее, типа «Я позвоню», привела себя в порядок и пошла к своей незваной гостье.

Она курила, стряхивая пепел на блюдце, на котором лежал еще не до конца засохший кусок бисквитного торта. «Вот свинка», – подумала я тогда и грохнула на стол массивную хрустальную пепельницу.

– Хочешь выпить? – Я состроила страдальческую мину.

– Нет, спасибо. От водки я плачу, а от шампанского бегаю в туалет. Оно же как мочегонное.

Я ждала, когда она заговорит.

– Ты ведь частный детектив?

– Да. У твоего мужа появилась любовница? – попыталась пошутить я, но шутка вышла идиотской. Мы обе поняли это.

– Ты представить не можешь, в какую историю я вляпалась. Я увязла по горло! – И она провела своей холеной ручкой по нежному горлу. Я отметила ее свежий маникюр и подумала, что если она и вляпалась в историю, то уже после того, как маникюрша кончила покрывать ее точеные коготки розовым лаком.

Стоял июль. На Эмме было прозрачное зеленое платье и греческие сабо из тисненой кожи. Где только было можно, сверкало золото. Несколько цепей, свисающих вперехлест на грудь, кольца, длинные серьги, браслет в форме сплетенных человеческих рук... Эта женщина обходилась Липкину в тысячи и тысячи долларов.

И как бы в подтверждение этому Эмма на моих глазах достала из невзрачной сумочки пачку баксов и вывалила их на усыпанный крошками торта кухонный стол.

– Почему я начинаю с денег, – начала она объяснять мне свой широкий жест, – потому что знаю по опыту, какое впечатление производят баксы... Можно сколько угодно толочь воду в ступе, но, если ты перед этим покажешь деньги, тебя будут слушать в сто раз внимательнее. Кроме того – это га-

рантия заработка и подтверждение тому, что я вполне платежеспособна. Разве я не права?

– Я налью тебе чаю? – спросила я, отворачиваясь к плите. Меня уже стала раздражать эта рыжая холеная кошка.

– Ты сядь и послушай. Я еще стараюсь сдержаться, но если бы ты знала, чего мне это стоит. Просто ты себе не представляешь, что произошло. Ты же помнишь Яшу? Мы не очень-то с ним ладили. Он зануда страшный, ну и все такое. В постели, правда, ничего, но это как-то приелось... Деньги выдавал только сам, собственноручно, и всегда говорил при этом, что давать мне деньги – для него огромное удовольствие. Но я должна была непременно объяснить ему, на что мне нужна та или иная сумма. Я ему вручала каждый день списки того, что собиралась купить... Это был самый настоящий кошмар. То есть перед тем, как мне пойти в магазин или поехать в центр, я долго и нудно убеждала его в необходимости приобретения той или иной вещи... Я говорю путано, потому что волнуюсь...

– Но ведь он тебе ни в чем не отказывал? – спросила я как бы между прочим, наливая чай и подвигая к Эмме блюдце с только что отрезанным куском от клубничного торта собственного приготовления.

В это время раздался чуть слышный звук запираемой двери: так деликатно покидал мою квартиру Вик.

Эмма замолкла на полуслове. Я успокоила ее, объяснив, в чем тут дело.

– И ты молчала? Я же пришла к тебе с секретной информацией!

– Успокойся, он уже ушел. Если ты думаешь, что в квартире, кроме нас с тобой, есть еще кто-нибудь, то поди сама проверь.

И она пошла. И проверила.

Села. Съела маленький кусочек торта и сделала пару глотков чаю.

А потом просто так, я бы даже сказала обыденно, произнесла:

– Короче. Я решила его убить.

Она сделала многозначительную паузу, надеясь на произведенный ею эффект. Но я не проронила ни слова. Тоже держала паузу. Мое терпение подходило к концу. Если она сейчас, в течение пяти минут, не расскажет мне в двух словах, чего ей от меня нужно, я спущу ее с лестницы – так думала я, поглощая торт.

– Я долго прикидывала, как это сделать, даже делилась с подругами, вроде бы в шутку... Это ужасно, я понимаю. Средств для убийства достаточно, но ведь все надо было обмозговать, рассчитать. Да и страшновато как-то одной. Я уж чего только не придумывала. И автомобильную катастрофу организовать. И с помощью миксера, опущенного в ванну, где он сидит – как в кино, – убить электричеством. Я даже пистолет купила с патронами. И снотворное.

Я смотрела на нее и не могла понять, зачем она мне все

это рассказывает. Может, у нее крыша поехала?

– И на чем же ты остановилась?

– Выстрел в голову. Это наверняка.

– А ко мне ты пришла затем, чтобы посоветоваться, как лучше замести следы и сбить с толку правоохранительные органы?

Она надолго замолчала.

– Я собиралась осуществить задуманное сегодня, – про-
изнесла она наконец.

– Тебе нужен помощник? Ты плохо стреляешь?

Она бросила на меня испуганный взгляд.

– Да я вообще ни разу в жизни в руках не держала оружия.

– Тогда в чем же дело?

– Яша поехал на дачу, а я в салон «Элеонора». Мне надо было сделать татуаж бровей, маникюр, да и освежить кончики волос... А пока я была в салоне, – губы ее задрожали, – его кто-то убил.

Она сделалась белая как мел.

– И когда это произошло?

– Точно не знаю. Наш водитель, Андрей, повез на дачу ковер и продукты. Зашел в дом и увидел Яшу... Он был убит точно так же, как его хотела убить я. Выстрелом в голову. Андрей знал, где меня искать, он позвонил в салон, позвал Свету – мою визажистку, и попросил меня к телефону. И рассказал. На дачу уже приехала милиция. А я испугалась – и сразу к тебе. Ведь это же не я, понимаешь? Не я. Хотя я это-

го и хотела. А у него было много врагов. Не прямых, конечно. Просто из зависти. У Яши было только акций на несколько десятков миллиардов, антиквариата на тысячи долларов, он держал большую сеть риэлтерских фирм и собирался открыть третий ювелирный магазин.

– Теперь все это принадлежит тебе? – поинтересовалась я, радуясь за Эмму хотя бы из подобных соображений.

Она кивнула головой.

– Они же сразу подумают на меня?

– Ну почему же?

– Начнут спрашивать знакомых, соседей, а мы с Яшей постоянно скандалили, ругались...

– Но, по-моему, твой муж был спокойным и уравновешенным человеком?

– Ну и что? Кричала-то я. Я-то неуравновешенная. Что же мне делать?

– Абсолютно ничего. У тебя полное алиби. Или я ошиблась? Думаю, в таком большом салоне, как «Элеонора», найдется не один человек, который подтвердит, что ты в тот момент, когда было совершено убийство, находилась там и только там.

– Не то слово! – с жаром воскликнула Эмма. – Но только мне почему-то все равно страшно.

– Теперь-то ты можешь сказать, зачем ты пришла ко мне? Ведь не для того же, чтобы поделиться миллионами твоего, ныне покойного, супруга?

– Я хочу, чтобы ты спрятала меня, пока будет вестись следствие. Я не хочу, чтобы меня допрашивали, чтобы копались в наших семейных отношениях. Я хочу, чтобы все это поскорее закончилось и меня оставили в покое.

– Эмма, но ведь убили твоего мужа! Неужели тебе безразлично, кто это сделал? Ведь в твоём положении было бы куда естественнее обратиться ко мне, частному детективу, с тем, чтобы я отыскала убийцу твоего мужа. А ты приходишь с какой-то, извини меня, идиотской просьбой. Мне трудно тебя понять.

– Тогда, если ты такая правильная, сделаем так. Ты будешь искать убийцу моего мужа, это во-первых, а во-вторых, спрячешь меня...

– Тем самым ты словно распишешься в причастности к этому убийству, тем более, судя по твоим словам, многие из вашего окружения знали о том, что ты ненавидела мужа. Может быть, ты наняла киллера?

– А деньги! – почти закричала она. – Где бы я, интересно, взяла деньги на это? Все, кто знал нас, знали и о том, с каким трудом я выколачиваю из него каждую копейку.

– Но ведь ты могла бы расплатиться с киллером и после его «работы», – осторожно заметила я.

– Значит, тем более меня надо спрятать. Ну что тебе стоит...

– А откуда, если не секрет, эти деньги? – И я указала на рассыпанные по столу пачки.

– Из дома. Открыла секретер и взяла. Они всегда там лежали. Яша никогда ничего от меня не прятал, просто я не могла их взять без его разрешения. Такие у нас в доме были порядки.

– А кто занимался хозяйством?

– Домработница. Валя. Честнейшая женщина, мы при ней оставляли и деньги, и драгоценности, словом, все... Она с Яшей уже много лет. Преданный ему человек.

– Ей известно о смерти Яши?

– Откуда мне знать. – Она откинулась на спинку стула и взяла сигарету. – Я же прямо из салона заехала домой, взяла деньги и сюда. Я не видела Валу. И вообще никого не видела и видеть не хочу.

– А как ты намерена жить дальше?

– Никак. Дождусь, пока все успокоится. Превращу акции и недвижимость в деньги и уеду куда-нибудь подальше. Может, даже за границу. – Она подняла на меня свои холодные, но все-таки испуганные глаза и сощурила их, как делала это, глядя на своего мужа. – А почему ты задаешь мне эти вопросы?

В голосе ее прозвучал металл. Алюминий. Не жестче.

– Да просто так, – сказала я, встала и, склонившись над столом, начала считать деньги. – Здесь только за то, чтобы я спрятала тебя, – сказала я, тоже доставая сигарету. У Эммы было теперь столько денег, которые ей почти свалились на голову, что потрясти ее в такой тяжелый для нее момент я

посчитала просто своим долгом. – Еще два раза по столько же, если ты хочешь, чтобы я нашла убийцу твоего мужа. – Я сделала паузу. – Я повторяю: если ты хочешь.

– А если ты его не найдешь? – Она склонила по-птичьи голову набок и вновь сощурила глаза.

– Найду. Можешь быть уверена.

Эмма открыла сумку и достала оттуда еще несколько толстых пачек.

– Теперь хватит? – устало произнесла она, где-то в глубине души презирая меня за то, что я забираю у нее нечто, принадлежащее теперь ей, и за что она собиралась бороться всеми известными ей способами, пускай даже это досталось ей почти задаром. Я понимала ее, но это не принципиально. Понимать – не то же самое, что быть на ее стороне. Понять ее было совсем не сложно: зачем платить деньги детективу, если ей глубоко наплевать на то, кто именно убил ее мужа? Только ради того, чтобы не вызвать подозрения у меня или чтобы узнать, кто был смертельным врагом Липкина.

– Теперь ты согласна спрятать меня?

Я унесла деньги, вернулась на кухню и выглянула в окно. Моя машина плавилась от жара июльского солнца.

– Я сделаю все, что смогу, но при условии, что ты будешь подчиняться мне беспрекословно. Я не потерплю никаких капризов. Я отвезу тебя сейчас в одно безопасное место и обещаю, что там ты не будешь ни в чем нуждаться. Разумеется, плата за пансион будет выставлена отдельно.

Я почувствовала, как вся она напряглась, едва сдерживаясь, чтобы не послать меня куда подальше.

Я усмехнулась. Я почему-то подумала, что ее дело не стоит и выеденного яйца. И у меня не было никаких нехороших предчувствий...

ГЛАВА 2

Первые вопросы

На деньги, которые я авансом взяла у Эммы, можно было содержать ее целый год. Мне была непонятна ее сговорчивость и готовность выложить такие бабки только лишь за то, чтобы я ее спрятала. Что за всем этим крылось?

Я, чтобы не особенно мучиться, остановилась на версии, что Эмма будет прятаться не от милиции, а от кого-то другого. И очевидно, должно пройти какое-то время, прежде чем она сможет никого не опасаться.

Все только начиналось, и у меня была масса времени для того, чтобы во всем разобраться.

Рассуждая подобным образом, я гнала машину за город, в небольшой дачный массив Лопухино, где в моем распоряжении была двухэтажная роскошная дача, подаренная мне одним из моих клиентов за удачно проведенное расследование по поводу похищения его ребенка. Ни одна душа, кроме самого клиента, разумеется, не знала об этом райском уголке.

Дача была окружена очень высоким забором, а если точнее, то бетонными штукатуренными стенами, и оснащена массивными воротами с кодовыми замками. Сам дом напоминал миниатюрный замок из красного кирпича. За два месяца до описываемых событий я завезла туда кое-какую ме-

бель, посуду и полностью кухню. Здесь была и микроволновая печь, и гриль, и все то, без чего я просто не представляла себе жизни на кухне. Если бы я знала тогда, что стараюсь не для себя...

По дороге я закупила провизии почти на месяц. Мальчик из супермаркета, который катил за мной тележку с продуктами, с интересом смотрел, как я загружаю багажник консервами, овощами и фруктами.

«Приходите к нам почаще», – улыбнулся он мне на прощание.

Я спрятала чек с большим количеством нулей в сумку: пригодится. Думаю, что Эмма, затаившаяся на заднем сиденье, заметила это.

– Вот пульт от телевизора и видика, здесь ты будешь спать, здесь – есть... – Я показывала ей дачу. – Если зазвонит телефон, не вздумай поднимать трубку. Сиди тихо, как мышка, и жди меня. Если возникнут сложности – я, правда, не представляю пока, какие, – позвонишь мне домой вот по этому телефону. Домработницы здесь, как понимаешь, нет, поэтому старайся содержать все в порядке.

У меня не было времени на подробный инструктаж, поэтому я, выйдя за ворота и проследив, чтобы Эмма заперлась как следует, поехала в косметический салон «Элеонора». Но потом внезапно передумала и, прибавив скорость, поехала в Кукушкино, разыскивать дачу Липкиных. Если мне повезет, думала я, то успею увидеть, как трудятся наши доблестные

эксперты и инспектора уголовного розыска. Хорошо бы увидеть Якова. Бедный Яша.

И хотя я гнала очень быстро, в Кукушкино въехала лишь в шестом часу. Отыскать дачу Якова оказалось очень простым делом: только вокруг его владений скопились автомобили и люди. Это были и его соседи по даче, и какие-то знакомые, и, конечно, зеваки. Машины «Скорой помощи» не было, а это означало, что тело уже увезли. Но какие-то люди что-то искали в траве, мерили расстояние от забора до стен дачного дома. Некоторые из них знали меня в лицо. Я им была как бельмо на глазу. Поэтому я, стараясь держаться от них подальше, не спеша обошла вокруг большого двухэтажного дома и заглянула в открытое окно, пытаюсь понять, где именно произошло убийство.

Затем, улучив момент, проскользнула внутрь дома и там без труда нашла комнату, на полу которой виднелся очерченный мелом силуэт лежащего человека и лужа потемневшей и уже успевшей подсохнуть крови. А вот и кресло, на котором сидел перед смертью Яков Липкин. Все стекла в комнате целы, окна открыты. Я заметила, что отсутствует сетка от комаров. Мне это показалось странным.

В комнате стоял письменный стол, на котором лежали лишь газеты, журналы, томик Синявского и «Чемодан» Давлатова. Пепельница, полная окурков, кувшин с засохшими желтыми розами, телефон.

Кресло обращено к телевизору, который в настоящий мо-

мент был исключен.

Я осмотрела все двери, замки и замочные скважины и нигде не обнаружила следов взлома. Значит, преступник спокойно вошел в дом, поздоровался с хозяином, а потом достал пистолет и выстрелил ему в голову. Хороший гость, ничего не скажешь. Гнать таких в шею...

В траве я нашла горошину подсохшей жевательной резинки, использованный презерватив и апельсиновую корку, еще довольно мягкую на ощупь. Все это я рассовала по разным пакетикам, села в машину и, стараясь не обращать внимания на комментарии, которые преследовали меня все время, пока я находилась на даче, поехала в город.

В половине восьмого я была в салоне «Элеонора». Он работал до десяти часов. Какое счастье!

– Девушка, приведите, пожалуйста, мою голову в порядок, сделайте мне какую-нибудь успокоительную масочку с массажем на лице, маникюр, а я в это время подремлю, – сказала я, доставая деньги и прислушиваясь к разговорам девушек, работающих в салоне. Меня интересовала Света-визажистка, которая, по словам Эммы, позвала ее к телефону, когда позвонил шофер Якова Андрей, чтобы сообщить ей о смерти мужа.

– Присаживайтесь. – Ко мне подошла уже другая девушка, не та, к которой я обращалась минутой раньше. – Вы будете стричься или вам просто помыть волосы и уложить их?

– Второе, – ответила я, села в кресло и тотчас почувство-

вала, как нежные руки, закинув мне голову немного назад, на мягкую подушечку, находящуюся прямо над раковиной, направили на голову теплый душ. Затем запахло шампунем, и все мое тело покрылось приятными мурашками.

Потом уже другая девушка проводила меня до кресла напротив зеркала и стала укладывать мне волосы теплым феном. Похоже, я даже забыла, зачем вообще пришла в это комфортное, теплое место, и очнулась только, когда услышала:

– Света, ты позвони мне завтра, хорошо?

Я открыла глаза. На моем лице лежала какая-то душистая прохладная фруктовая маска. Я увидела девушку, которую назвали Светой. Я позвала ее. А так как салон был очень дорогой и цены были проставлены в долларах, то девушки, работающие здесь, просто обязаны были, что называется, стелиться перед своими богатыми клиентками. А значит, и передо мной. Я решила воспользоваться своим правом задать Свете несколько вопросов, но меня опередили.

– Я знаю, кто вы, – сказала Света, подсаживаясь ко мне на кушетку и загадочно при этом улыбаясь. – Я вас узнала. Но я никому ничего не скажу. Вы к нам по делу?

Мне оставалось только кивнуть. Я надеялась, что Света действительно узнала меня, а не спутала с кем-нибудь еще.

– Моя мама до сих пор вспоминает вас. Если бы не вы, моего брата уже не было бы в живых...

Я всмотрелась в ее лицо и поняла, что разговариваю с сестрой Сережи Фирсова, одного из моих клиентов. Боже

мой, в каком маленьком городе я живу...

– Света, раз уж так сложились обстоятельства, я бы хотела спросить вас кое о чем. Сегодня убили Якова Липкина. Вы не могли бы сказать, в котором часу к вам в салон пришла его жена Эмма и когда она ушла?

– У нас есть записи в журнале, она звонила накануне и просила записать ее на десять. А пришла минут в двадцать одиннадцатого. Ушла часа в три – в половине четвертого. Позвонил их шофер, Андрей, я его знаю, и сказал про Яшу.

– А вы и Липкина самого знали?

– Не то чтобы знала, но видела. Он иногда заходил к нам, в мужской зал. А иногда ждал Эмму в коридоре. Кто же его мог убить? В нашей стране опасно быть богатым, – добавила она эксклюзивную, с налетом философии мысль и вздохнула.

Я тоже вздохнула следом, потому что мне не хотелось покинуть это приятное место.

– Приходите в наш солярий, поспите... Загорите.

– Так ведь вроде бы и на улице солнце...

– Поймите, это совсем не то. На солнце вы можете сгореть, а в солярии загар будет ровным, более здоровым. Да и вообще это очень приятно.

– Эмма часто сюда приходит?

– Часто. Если есть деньги, то почему не побаловать себя.

Но она хорошая клиентка, щедрая...

Я пресекла ее рассуждения на тему чаевых. Терпеть не

могу подобные намеки.

– А что она делала сегодня?

– Почти по полной программе: солярий, маникюр, педикюр, татуаж, косметический кабинет, ну и все такое.

– И все это находится в разных кабинетах?

– Только парикмахеры работают в одном большом зале, а все остальные по кабинетам.

– Света, позовите, пожалуйста, свою подружку, а то мне кажется, что моя фруктовая маска уже давно превратилась в сухую корку...

...Света проводила меня до дверей.

– Приходите к нам почаще. У нас, конечно, дорого, но лично я обслужу вас бесплатно. Мы подберем вам макияж, подумаем, какой формы сделать брови...

Вообще-то мои брови меня и так устраивали. Но я промолчала.

Я вышла на свежий воздух и почему-то подумала, что у этих парикмахерш-визажисток-косметичек сдвиг по фазе на почве всех этих нововведений, примочек да масочек. Хотя после процедур я чувствовала себя прекрасно. Щеки мои горели от массажа, а чистые уложенные волосы развевались на ветру. На ногтях еще не высох лак.

Половина десятого. Уже стемнело.

Я села в машину и поехала в морг. Там только таких красивых не хватало.

Купив по пути бутылку коньяку и пару лимонов, я въеха-

ла в ворота университетского городка, на территории которого находился морг, и, шарахаясь от каких-то подозрительных личностей с ведрами и швабрами в руках, выныривающих из-за колонн и из темных углов, быстро спустилась в подвал, где на одном из холодных цинковых столов должен был лежать Яша Липкин. Красивый мужчина. Преуспевающий бизнесмен. Муж Эммы.

Знакомый патологоанатом, которому я несла сейчас коньяк и лимоны, вышел мне навстречу. Увидев меня, чертыхнулся.

– Ты? – Потом заметил поблескивающую в темноте коридора бутылку. – Ко мне сейчас нельзя, там все свои собрались, одного знакомого поминаем...

– Липкина?

– Нет. Его уже помянули. Теперь Козырева Витальку.

– А с ним что? – спросила я просто на всякий случай, поскольку никакого Козырева не знала.

– Представляешь, мужику двадцать пять лет, а у него инфаркт. А ты чего пришла-то? Из-за Липкина?

– Когда наступила смерть и прочие подробности?

– Выстрел в упор. Часов в двенадцать. Сегодня сюда уже приходила одна девушка по его душу. Спрашивала, когда можно будет забрать тело.

– Не представилась? – Я почему-то сразу подумала про домработницу Валу, о которой упоминала Эмма. – Сколько ей лет?

– Двадцать с небольшим. Красивая очень. Плакала тихо, еле сдерживалась. Дочь, наверно. Еще какие вопросы, товарищ сыщик?

– Ты черепа электропилой распиливаешь или как?

По адресу, который мне дала Эмма еще в поезде, я отыскала затерянный среди высоких тополей трехэтажный дом, где и жили Липкины. В темноте, спотыкаясь на ступеньках, ведущих к подъезду, я нащупала дверь, толкнула ее и оказалась в хорошо освещенном подъезде. Поднялась на первый этаж. На каждом этаже располагалась всего одна квартира. Липкины жили на втором. Еще на улице я вычислила расположение окон и заметила в них свет. Кто там? Валя? Или та девушка, которая плакала в морге?

Я позвонила. Мне открыла женщина средних лет в широкой красной юбке и белой блузке. Явно не траурный антураж.

– Вы Валя? – спросила я.

– Да. – Она взглянула на меня маленькими грустными глазами. – А вы кто?

– Меня зовут Таня. Фамилия Иванова. Я частный детектив. Меня наняли, чтобы найти убийцу вашего Якова Самуиловича.

– Проходите, пожалуйста. – Она впустила меня в дом. Какой же у нас доверчивый народ!

– Вы одна дома? – спросила я.

– Одна, а что?

– Просто спросила. Это не вы были сегодня в морге?

– Нет. А что, кто-то был?

– Не уверена. Может, показалось.

Квартира походила на музей. Просторная, чистая, украшенная антикварной мебелью, безделушками и вся в цветах. Я не могла себе представить, чтобы в таком благостном месте мог надрываться голос Эммы. Чего ей не хватало в этой жизни? Почему она не оценила то, о чем многие женщины мечтают всю жизнь, да так и умирают с этой мечтой – пожить в относительном достатке и комфорте.

Зачем ей было мучить мужа, да и себя, если он был ей так противен? Или же это все-таки игра? А вдруг, как это бывает в американских триллерах, Яков не погиб, а ему просто инсценировали смерть, чтобы все его недруги оставили его в покое?

«Таня, как это пошло и глупо. Здесь не Америка. Там-то сейчас полный порядок, все питаются хот-догами, гамбургерами и культивируют семейные отношения. Это Россия. В частности, город Тарасов. И в этом городе, в университетском морге лежит тело несчастного влюбленного мужчины, который ничего, кроме скандалов, в своей семейной жизни не знал. Кстати, интересно, был ли он женат раньше? И на ком?...»

– Меня интересует вопрос: где его жена? Эмма?

– Вы мне только скажите, кто вас нанял, а я уж потом постараюсь ответить на ваши вопросы.

– Я не могу вам ответить. Это входит в условия контракта. Но разве вам не все равно, кто это сделал? Уж, во всяком случае, нанял меня не убийца, согласитесь.

– И то правда. А что касается Эммы, так я бы и сама хотела узнать, где она. Она пропала. Я уж думаю, не случилось ли с ней чего?

– А когда она ушла из дому?

– Ей к десяти часам надо было в парикмахерскую. Я-то позже пришла, начала прибираться, бульон поставила варить для Якова Самуиловича... – И вдруг лицо ее некрасиво искажилось, и она разрыдалась. – Простите, но я никак не могу привыкнуть к мысли, что его уже нет.

– Это вы меня простите, что пришла к вам в столь поздний час, – сказала я, – но мне бы хотелось узнать побольше о Липкине. Когда вы его видели в последний раз?

– Вчера вечером.

– Каким он был? Может, вчера он как-то особенно себя вел, нервничал?..

– Обычный день. Ничего примечательного. Настроение у него было прекрасное. Несмотря на усталость. И даже очередная ссора с Эммой, казалось, не произвела на него впечатления. Она что-то требовала от него, словом, как обычно...

– Валентина, мне бы не хотелось копаться в семейных делах ваших хозяев, но то, что у Якова с Эммой были сложные отношения, – не секрет. Из-за чего происходили все ссоры?

Она опустила глаза и принялась барабанить пальцами по столу.

– Я видела многое из того, что происходило в этих стенах, но понять до конца эту женщину так и не смогла. Но основная причина их ссор была из-за того, что Эмма не чувствовала себя свободной. Свобода, тюрьма, золотая клетка – вот ее любимые слова. Ей, очевидно, была нужна свобода передвижения, она хотела свою машину, причем без водителя. Яков Самуилович не разрешал. Она хотела иметь свой счет в банке и тратить деньги так, как ей заблагорассудится. И на это он не шел. Она собиралась отправиться за границу одна – он ее не пустил. На мой взгляд – если это вас, конечно, интересует, – он правильно делал, что держал ее в поле зрения. Эмма – очень импульсивная, энергичная и крайне несдержанная натура. Она так до конца и не поняла своего мужа. А ведь он любил ее, очень любил.

– А вы не знаете, где и при каких обстоятельствах они познакомились?

– На дне рождения одного общего знакомого.

– И когда это произошло?

– Больше двух лет назад. Яков Самуилович долгое время после смерти первой жены жил совершенно один. Бывали у него знакомые, я хочу сказать, что он вовсе не монашествовал, но чтобы вот так влюбиться, чтобы привести в дом женщину и сделать ее своей женой, со всеми правами... Я не думала, что он на это решится. Все-таки он был уже немо-

лод. Но потом, когда я увидела Эмму, то поняла его. Ему в какой-то мере было необходимо присутствие в доме живого, молодого и громкоголосого, яркого и непосредственного существа. К тому же она так красива, вы видели ее?

– Пока нет, – соврала я.

– В ней чувствуется порода. Хотя она из простых. Я долгое время присматривалась к ней, пыталась понять, что же она за человек. То, что она дурно воспитана, бросалось в глаза сразу. Но я сначала отнесла это к ее возрасту и характеру, нежели семейным делам. С другой стороны, обстановка в семье оказывает огромное влияние...

Я перебила ее. Тоже мне, психолог нашелся. Разве я за этим пришла?

– Вы считаете, что она выросла в простой среде?

– Теперь-то я это знаю точно. Ее воспитывала мать, без отца. Судя по рассказам Эммы, в их семье был культ ненависти к мужчине вообще. Им приходилось трудно, поскольку мать постоянно болела, мало работала, и они некоторое время жили впроголодь...

Мне было странно слышать все это. Тогда тем более становилось непонятным поведение Эммы. Ей бы жить да радоваться...

– Вы не знаете, Эмма была замужем до Якова?

– Нет, но жила с каким-то парнем. Кто он и чем занимался – мне неизвестно.

– Послушайте, может, у Эммы был какой-нибудь мужчина

и при Якове? Вы ничего об этом не знаете?

– Она иногда разговаривает по телефону с мужчинами, но встречается ли с кем или нет – понятия не имею.

– А что это за мужчины?

Валентина пожала плечами.

– Может, сначала стоит Эмму найти, а уж потом убийцу. Я и не знаю, что думать... В это время она всегда дома. Подруг у нее, конечно, много, но я их всех обзвонила и предупредила, что, если вдруг она где-нибудь появится, чтобы обязательно мне позвонила.

– А вы не могли бы мне составить список ее подруг?

– Пожалуйста, вот он у меня как раз возле телефона... Сейчас перепишу.

Мне казалось, что этот день никогда не кончится.

Список оказался настолько длинным, что я вздремнула в кресле и проснулась от каких-то странных звуков.

Валентина, сидящая за столом, тоже замерла и прислушалась.

– Послушайте, у меня такое ощущение, что кто-то пытается открыть замок... – прошептала она. – А я, как назло, после вас даже не заперла дверь. Она закрыта всего на одну защелку.

– Но ведь у нас здесь горит свет...

– Это окно выходит на строительную площадку, и, чтобы увидеть его, надо обойти дом и перелезть через высокий забор. Все остальные окна темные, вот и подумали, что в квар-

тире никого нет... Может, успеем вызвать милицию? – спросила Валентина.

Но было уже поздно. Послышался звук открываемой двери, затем еще одной. Я едва успела протянуть руку, чтобы выключить свет на кухне, где мы находились, как послышались шаги, и в квартиру вошли несколько человек.

Валентина полезла под стол, я спряталась за дверь и теперь оттуда могла наблюдать за прихожей. Сначала по стенам беспорядочно бегали яркие лучи фонарей, затем вспыхнул свет, и я увидела двух парней в камуфляжной форме.

– Ни к чему не прикасаться, – сказал кто-то из глубины комнаты. – Несите аппарат.

Сразу запахло газом, из чего я поняла, что речь идет о сварочном аппарате.

– В доме есть сейф? – спросила я шепотом Валентину, которая умирала от страха под столом.

– Есть несколько. Но самый большой в спальне. Его, видать. Металлический.

Из спальни-то и доносилась возня и звук работающего сварочного аппарата.

Кто же были эти люди и что они искали здесь? Судя по тому, как все четко и оперативно делалось, работали профессионалы. Значит, ФСБ.

Я вся обратилась в слух.

– Здесь какие-то ампулы, но, по-моему, это лидокаин и новокаин. Хотя надо бы взять на анализ. Паша, я же тебе

сказал, ничего не трогать. Уходим.

И вскоре все стихло. Двери закрыли, а первую, наружную, даже заперли.

Мы не сразу решились включить свет. Некоторое время сидели, молча глядя в окно. Наконец я встала и прошла в прихожую. Оттуда в спальню. Включила свет и увидела совершенно жуткую картину. Затоптанный грязными подошвами белый ковер с подпалинами, сейф, прикрытый дверцей с огромной искореженной огнем дырой, обгоревшее кружево на подушке огромной двухспальной кровати, прикрытой тоже белыми покрывалами.

Я открыла дверцу сейфа. Раз бумаги были на месте, значит, они интересовали ночных гостей меньше всего. Речь шла о каких-то ампулах. А это могли быть только наркотики. Неужели им теперь не все равно, увлекался покойный Яков Липкин наркотиками или нет? Чертовщина какая-то. Но ведь не так просто приходили сюда эти ребята. На это нужно было получить разрешение начальства, а это уже не шутки. Однако больше всего меня удивил тот факт, что они старались в точности исполнить приказ – не трогать ничего лишнего. А ведь могли бы. И еще: что скажут в милиции, если туда обратится Эмма и заявит о нападении на квартиру, ограблении, взломе сейфа? Будут говорить, что сделают все возможное, чтобы найти? Бред. Но ведь эти ребята что-то искали. И, видимо, что-то очень важное. Но были проинструктированы только относительно одного сейфа. Значит,

не знали о существовании остальных. Но у них еще куча времени, целая жизнь впереди для того, чтобы успеть осмотреть каждый сантиметр квартиры.

– Валя, – обратилась я к подошедшей сзади женщине, – вы не знаете, что они здесь искали?

– Я слышала о каких-то ампулах. Но их было много, разных, Яков Самуилович в последнее время прибаливал, так я ему колола витамины и лидазу. Он температурил...

Голос у нее изменился, и я поняла, что она снова готова расплакаться.

– Сегодня сюда кто-нибудь приходил? – спросила я.

– Из милиции следователь был, тоже, как вы, все расспрашивал. Эммой интересовался. Просил, чтобы я составила список всех людей, которые бывали в доме. Поблагодарил и ушел.

Я смотрела на нее и думала о том, что ей небезопасно оставаться в этой квартире. После смерти Липкина квартира может стать мишенью для мародеров, воров и вообще кого угодно, кто захочет поживиться за чужой счет. Была бы Эмма, все было бы иначе. Она смогла бы распорядиться имуществом.

Но в принципе я знала, что нужно делать.

Я позвонила одному своему приятелю и объяснила, в чем суть. Он обещал приехать с бригадой в течение часа.

– А кто должен приехать? – чуть не плача спрашивала меня Валентина и заглядывала мне в глаза.

– Не переживайте. Просто надо как-то обезопасить и вас, и квартиру от воров и разных проходимцев. Вы согласны?

– Но как? Со сварочным аппаратом можно пройти хоть в Государственный банк.

Я позвонила еще по одному номеру и пригласила двух ребят-омоновцев, которые вот уже три месяца были без работы. Конечно, и они не преграда для ФСБ, но все-таки...

– Валя, я понимаю, конечно, как вам сейчас тяжело, но не могли бы вы приготовить что-нибудь поесть? Скоро уже утро, и я просто валюсь от усталости. Думаю, что и вам надо подкрепиться.

Она согласно кивнула головой и пошла на кухню. Вскоре по квартире распространился запах жареного мяса и лука. Жизнь продолжалась.

ГЛАВА 3

Нижнее белье секретарши

Я возвращалась на дачу, когда небо уже порозовело от первых утренних лучей солнца. Вести машину в таком состоянии было опасно. Я и щипала себя, и мотала головой, и включала на полную громкость музыку, чтобы только не уснуть.

Знакомые ребята за пятьсот долларов привезли и приварили к дверям липкинской квартиры металлическую решетку. Временную, но надежную, с двумя массивными замками необычной конфигурации. Затем подъехали омовцы и за сто долларов в сутки согласились охранять квартиру. Валентина приготовила им термосы с кофе, бутерброды. Она и сама не ожидала, что все это будет сделано за какие-нибудь три часа. Потом я заехала в фирму, занимающуюся установкой сигнализации, и попросила проверить, почему не сработала сигнализация в час ночи. Но они только пожали плечами. А что им было ответить, если им позвонили и попросту приказали отключить ее на определенное время. Затем я отправилась к одному своему бывшему клиенту и договорилась с ним о сотовом телефоне. После чего отвезла Валентину домой и вот теперь возвращалась на дачу.

Как там Эмма? Не раздумала ли она прятаться?

Я подъехала, открыла ворота, въехала во двор, поставила машину в гараж и поднялась в дом.

Моя добровольная пленница спала как сурок на тахте. Судя по красному огоньку на панели телевизора, он отключился сам, так и не дождавшись, когда это сделает Эмма.

Я обошла дом, пытаясь определить, как провела эти часы в заточении Эмма, и поняла, что она, поев немного и выкурив полпачки сигарет, до ночи провалялась на тахте перед телевизором. Хотя, зайдя в ванную, догадалась, что она пыталась включить электронагреватель, чтобы согреть воду, но, очевидно, не смогла и помылась холодной водой.

Я поднялась на второй этаж, где располагались спальни, легла и очень скоро уснула.

Утром, за завтраком, который мы готовили вместе, я спросила Эмму, кто мог приходить в морг за телом Липкина.

Она выглядела куда более спокойно, чем вчера. Выспавшаяся, свежая, сидела за столом и, намазывая креветочное масло на тонкий ломтик хлеба, рассуждала:

– Из мужчин это мог быть его заместитель, Илья Фионов, друзья-банкиры, друзья по преферансу. А из женщин – Валя и Алина.

– А кто это Алина? – поинтересовалась я.

– Любимая секретарша Яши. Хорошая девочка. Она была готова ради него в лепешку расшибиться...

Я рассказала ей о своем походе в морг. Выставив ей в счет коньяк и лимоны.

– Да ладно ты, не мелочись, записывай все расходы в блокнот, потом скажешь, сколько набежало. А в морге была скорее всего Алинка.

– Черт побери! – вскипела я. – Я понимаю, что это не мое дело и мне за это не заплатят, но ответь мне: разве можно быть такой бессердечной?!

– Это ты о чем? – Она зыркнула на меня своими зелеными глазами и принялась очищать банан. – О том, что на месте Алины должна была оказаться я? Ходить по моргам, похоронным бюро, заказывать гроб, венки и катафалк? Пусть этим занимается тот, кто умеет. Яша все равно не узнает, хлопотала я или нет. Как ты не поймешь, что это все не для меня...

– А ведь ты боишься не милиции. И пока ты будешь молчать, я не смогу тебе помочь. Кто этот человек, от которого ты прячешься? И что такого он может с тобой сделать? Возможно, он и убил Яшу?

– Я не знаю, кто убил Яшу, но рассказать тебе все не могу. Ты права, быть может, в милиции мне и было бы безопаснее, но они найдут меня и там. Мне страшно... Мне очень страшно, и поэтому я хочу, чтобы этот ад как можно скорее кончился и я уехала. Далеко-далеко, чтобы меня никто не смог найти. Если надо, поменяю фамилию, гражданство, все, что угодно.

– Но послушай, твои доводы неубедительны. Если тебя кто-то хочет убить, то почему до сих пор не сделал этого?

– То, за что меня могут убить, я сделала не так давно и, возможно, об этом еще не знают. А когда узнают, я буду уже далеко.

– У тебя был любовник?

– У меня было много мужчин, но до замужества. При Яше такие эксперименты бы не прошли. Не тот человек.

– Ты боялась своего мужа?

– И да, и нет. Не знаю. Но он мешал мне дышать.

– Я все равно не понимаю. Через день-два похороны. Неужели ты не захочешь даже проститься с ним?

– Не знаю. На кладбище будет слишком много людей. Я не хочу рисковать их жизнями.

– Звучит громко, ничего не скажешь.

Я рассказала ей обо всем, что произошло этой ночью на их квартире: об омонивцах, сейфе, Валентине, охране.

– Если тебе нельзя сейчас появляться в городе, то мы с тобой можем съездить к нотариусу и оформить на меня доверенность на ведение всех твоих дел. Если ты доверишь мне, то я могла бы вывезти из квартиры все ценности и спрятать в надежное место.

– Отличная мысль. Ты даже можешь заняться продажей всего этого барахла и получить с этой сделки очень неплохие комиссионные.

Эмма была непробиваема относительно эмоций и чувств. Просто железобетонной. Неужели ей действительно безразлично, что происходит в ее доме. Неужели там не осталось

ни одной вещи, которую ей было бы жаль продавать?

Я уже начала жалеть, что согласилась помогать ей.

Мы с ней составили необходимые документы, и я повезла ее к знакомому нотариусу.

– Ты не боишься, что я обману тебя?

– Я тебе сказала, чего я боюсь.

Она сидела в машине в черных очках и черном парике. Мы проезжали город.

– Но ведь рано или поздно тебе все равно придется объявиться хотя бы перед адвокатом, который будет заниматься вопросами наследства, завещания и прочим.

– Давай оставим эту проблему.

Я лишний раз убедилась, что разговаривать с ней бесполезно, и отвезла ее назад, в Лопухино.

– Только учти, что, если окажется, что ты причастна к какому-нибудь преступлению – за что тебя, собственно, и могут искать, – я не стану нести ответственность за укрывательство. Ты должна себе это хорошенько уяснить.

Она махнула рукой.

– Кругом одни преступники, – произнесла она очень странную фразу, после которой мне подумалось, что для меня начались горячие дни.

Передо мной стояло сразу несколько задач:

1. Что такого совершила Эмма, за что ее можно было преследовать? И связано ли это с ее мужем?
2. За что убили Якова и кто это сделал?

3. Почему им заинтересовалась ФСБ? И что они искали в его сейфе?

4. Какие отношения были у Якова с его секретаршей?

5. Кто приходил в морг?

6. Правильно ли я делаю, помогая Эмме, которая намеревалась убить своего мужа?

Как ни странно, но вопросы нравственности иногда волновали меня до глубины души.

7. Кому принадлежал найденный в Кукушкине, под окнами дачи Липкина, использованный презерватив?

8. Происхождение жевательной резинки под теми же окнами?

9. Кто ел там апельсин и бросил корку на траву?

Если я найду ответы на эти вопросы, то после этого мне смело можно отправляться на Гавайи.

Объяснив Эмме, как пользоваться электронагревателем воды, я сказала ей, что, возможно, сегодня заночую в городе.

Первое, что я сделала, приехав в город, это разыскала офис Липкина. Это было здание какого-то НИИ, где риэлтерская фирма «Феникс», директором которой еще вчера был Яков Самуилович, занимала целый этаж.

Я остановилась перед стильной деревянной дверью с позолоченными ручками и нажала кнопку звонка. Появился охранник. Я сказала, что ищу Алину.

– А вы не могли бы отложить свой визит к ней? – вежливо поинтересовался у меня парень в серо-буро-малиновом

хлопковом костюме с кобурой на поясе. Выглядел он тем не менее устрашающе.

– Нет. У меня очень важное дело, – сказала я и двинулась по коридору к табличке «Приемная».

Алина, высокая, худенькая, с короткой стрижкой почти седых волос. Совершенно противоестественный цвет для такой молоденькой девушки. Я так и не поняла, то ли это природная седина, то ли Алина просто хотела, чтобы про нее думали: у девушки было тяжелое прошлое. Девушка-легенда.

Красный костюм, шпильки, голые колени – все как полагается.

– Вы к Якову Самуиловичу? – спросила Алина. Глаза ее вмиг наполнились слезами.

– Видите ли, я знаю, что произошло, и очень сожалею о случившемся, но время не стоит на месте. Я была на прошлой неделе у него и оставила в его кабинете, на столе, очень важную для меня папку с документами и записную книжку, без которой я просто не могу жить. Если вас не затруднит, взгляните, может, она еще у него?

Алина вздохнула.

– Минуточку.

Когда она вернулась, ключи от ее квартиры и записная книжка самой Алины уже лежали в моей сумочке. Не могла же я сказать: «Алиночка-деточка, дайте, пожалуйста, ключи от вашей квартиры, чтобы я посмотрела, какого цвета кофей в вашей ванной комнате».

– Извините, но никакой записной книжки там нет. Совершенно ничего такого, что могло бы иметь отношение к вам.

– Какая досада. – Я даже застонала в голос, но потом, устав ломать комедию, поблагодарила ее и ушла, осторожно прикрыв за собой дверь.

В сумочке Алины, которую я вывернула наизнанку в эти бешеные минуты, был и ее паспорт, из которого я узнала ее адрес.

Через полчаса я уже поднималась на пятый этаж панельного дома и звонила в квартиру номер четырнадцать. Просто на всякий случай, Валентина успела мне сказать, что секретарша ее обожаемого Якова Самуиловича живет совершенно одна.

Я осмотрелась, быстрым движением открыла двери – их было две – и проникла, как вор, в квартиру. Я понимала, каким неблагоприятным делом мне предстояло сейчас заняться, но это являлось частью моей работы. Поэтому я, предварительно обойдя двухкомнатную, уютную и чистенькую квартиру и отметив про себя, что в спальне стоит очень большая двухспальная кровать, а всю стену слева занимает такое же большое зеркало, решила, что у Алины, слава богу, с девственностью покончено раз и навсегда.

Меня интересовала ванная комната и, в частности, корзина для грязного белья, куда чистоplotная секретарша складывала свои вещи.

Натянув на руки хирургические перчатки, предусмотритель-

тельно захваченные с собой, я открыла корзину и увидела то, что хотела увидеть. Несколько пар крохотных кружевных трусиков. Я была почему-то уверена, что одни из них имели счастье находиться позавчера вечером или ночью, а может быть, даже и вчера утром в Кукушкине.

Я сложила белье в пакет, сняла перчатки, вымыла руки и вышла из квартиры.

Вернувшись в офис, где ничего не подозревающая секретарша одиноко грустила в пустой приемной, вспоминая о своем погибшем шефе, я начала прямо с порога:

– Девушка, извините меня ради бога... Но у вас есть еще заместитель директора, Илья Фионов. Быть может, моя записная книжка у него в кабинете?

Алина встала и молча направилась к двери с табличкой «И.И.Фионов. Зам. генерального директора».

А я за это время успела водворить ее ключи на место. Вот только записную книжку решила пока не возвращать. А вдруг она мне самой пригодится?

– Может, вы что-нибудь напутали? – спросила она меня, выходя из кабинета Фионова. – Здесь тоже ничего нет.

– А где сам Фионов?

– Занимается организацией похорон.

– Но разве такого человека, как Липкин, не могут похоронить родные? Я пришла купить большое помещение под пошивочный цех, а разговаривать по такому важному вопросу теперь следует, наверное, с Фионовым.

– Родные? У Якова Самуиловича из родных только жена, но она куда-то уехала. Ее ищут, – сказала Алина, глядя куда-то в пространство.

– А что милиция? – спросила я уже с видимым участием.

– Да что наша милиция... Как будто вы не знаете.

– А вы уверены, что она уехала?

– Нет, но кто-то говорил, будто ее видели в аэропорту. А вы что, знали Липкину? – вдруг очнулась Алина.

– Конечно. У нее еще такие длинные рыжие волосы...

– Да. Мне жаль, конечно, что вы потеряли свою записную книжку, но, может, она еще найдется?

И таким тоном это было сказано, что я невольно почувствовала симпатию к этой седой девушке.

– Буду надеяться. Дело в том, что я была еще в нескольких риэлтерских фирмах, поищу там...

На том мы и распрощались.

ГЛАВА 4

Вечером деньги – утром убийца

Координаты Андрея мне тоже дала Валентина. Я его застала просто чудом: он заехал домой перекусить. День был тяжелый, наполненный хлопотами, связанными с похоронами.

Водитель Липкина ел жареную колбасу с кетчупом. Когда я ему представилась, он достал тарелку и, не спрашивая меня, положил мне тоже колбасы.

– Я только не понял, кто вас нанял? – спросил он с набитым ртом. – Фионов, что ли?

– Какая разница, кто?

– В общем-то, вы правы. И что вы хотите у меня узнать?

– Вы видели Якова Самуиловича в течение всего позавчерашнего дня и даже вчера утром, когда отвозили в Кукушкино продукты, так? Вот и скажите мне, пожалуйста, не заметили ли вы чего-нибудь особенного в его поведении? С кем он встречался накануне гибели? О чем говорил? Какие строил планы? Вы понимаете меня?

– Так сразу и не вспомнишь...

– Вы не могли бы составить список, а вернее, план ваших передвижений на машине за день до убийства? Это очень важно. Возможно, я и смогу вычислить, кто убил его.

– Да я вам и так скажу, кто его убил. За бесплатно, – усмехнулся Андрей, собирая мягким белым ломтем хлеба густой «Анкл Бэнс» с тарелки и отправляя его в рот. – Эмма. Я прямо чувствовал, что она хочет его убить. Постоянно задавала idiotские вопросы о том, к примеру, как организовать автокатастрофу, как вывести из строя тормоза... Или – куда спрятать труп?

– А вам не кажется, что глупо вести себя подобным образом, если действительно хочешь кого-нибудь убить? Да она бы молчала как рыба. Но это я так, просто за компанию с вами рассуждаю. Вообще-то свои мысли я стараюсь держать при себе. Так вы составите мне схему передвижения Якова Самуиловича, маршруты с указанием мест, лиц, фамилий, цели поездок?

– Это так просто не делается. Надо еще все вспомнить.

Андрей показался мне толковым парнем.

– И еще вопрос: вы отвозили в Кукушкино апельсины?

– А как же! Кое-кто их очень любит. – И сразу же покраснел.

– И кто же так любит апельсины?

Но Андрей уже взял себя в руки:

– Я, конечно. Мне ведь тоже перепадало с барского стола.

«Преданный пес, – подумала я. – Ни за что своего – даже мертвого – хозяина не предаст. А ведь Яков наверняка провел ночь не один...»

Я решила во что бы то ни стало подружиться с Андреем,

ведь, что ни говори, а личный водитель – ценнейший источник информации.

После Андрея я поехала в хозяйственный магазин и купила там большое количество картонных коробок и плотных бумажных мешков. Затем позвонила своему бой-френду Виктору – Вику, как я ласково его называла – и объяснила, что нам надо до вечера вывезти из квартиры Липкиных все ценные вещи.

Мы подключили к работе охранников, которые от безделья маялись, подпирая стены подъезда.

Все серебряные, фарфоровые, хрустальные вещи перекладывались простынями и просто одеждой и складывались в коробки, которые затем перевязывались бечевкой. Сервизы, шкатулки, напольные вазы и даже тропические растения, нашедшие приют в этом доме, вывозились в крохотную квартиру с бронированной дверью, принадлежащую выехавшему за границу родственнику Вика.

За какие-нибудь два с половиной часа перед нами предстала вся жизнь семьи Липкиных. Я перекладывала вещи Липкина и вспоминала, каким видела его последний раз в поезде. Как говорится, был человек, и нет его. В шкафу еще висели его рубашки и костюмы, в шкафу лежало его белье, от которого исходил тонкий горьковатый аромат. А его душа сейчас витала в душном пространстве морга.

Что касается вещей Эммы, ее безделушек, косметики и парфюма, которых было явно в избытке, то создавалось впечатление,

чатление, что она всем этим не пользовалась – настолько все было новое и какое-то магазинное. Я понимала, что за этим идеальным порядком стояла неутомимая Валентина, которая и содержала дом в образцовой чистоте. Даже на зеркале не было ни пятнышка. Да и комната выглядела словно нежилая.

Наличных денег в квартире не оказалось: их, очевидно, забрала Эмма. Оружия – тоже.

Я прихватила все документы, которые остались в сейфе после вторжения ребят со сварочным аппаратом, запихала их в «дипломат» Липкина – большой, красновато-коричневой кожи, с красивой светлой ручкой и замочками, и, позвонив Валентине домой, рассказала ей обо всем, что успела сделать.

– Охрана остается еще на несколько дней. Было бы неплохо, если бы ты хотя бы раз в день заходила сюда, только будь поосторожнее...

Я понимала, что смерть Якова, кроме чисто человеческой утраты, несет в себе для Валентины потерю надежного заработка и, возможно, смысла жизни.

– Когда Эмма объявится, ты предложишь ей свои услуги? – спросила я Валу.

– Конечно. Если только она захочет. И, конечно, если она вернется. Мне почему-то кажется, что она уехала к матери. Как узнала, что произошло, так испугалась и уехала. Это очень похоже на нее.

– А где живет ее мать? – спросила я так, словно собиралась немедленно броситься туда на поиски Эммы.

– В Никольском, в семидесяти километрах отсюда.

– А фамилию ее не знаешь?

– Нет. Я забыла, мне Эмма как-то говорила...

Я попрощалась с Валентиной и, заперев на многочисленные замки-запоры-решетки несчастливую квартиру, поехала с Виком к себе. Но по пути мы заехали к Медвянникову Лева, судмедэксперту, прямо домой.

Увидев меня на пороге своей холостяцкой квартиры, Лева просиял.

– Танька! Здорово! Опять анализы принесла? – Он всегда шутил по-дурачки. Хотя на этот раз оказался прав.

– Левочка, вот здесь, в этом пакете, угадай что? – Я подняла до уровня его лица целлофановый пакет с завязанным узлом презервативом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.